

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

СВОЙСТВО ПАМЯТИ

Москва

НОВОЕ ДЕЛО
САМОВАРОВОЙ

**ЧИТАЙТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ ПОЛИНЫ ЕЛИЗАРОВОЙ**

СОБАЧИЙ РАЙ

ЧЕРНАЯ СИРЕНЬ

НОЧНОЕ СОЛНЦЕ

СВОЙСТВО ПАМЯТИ

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

СВОЙСТВО ПАМЯТИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Дизайн обложки *Я. Клыга*

Елизарова, Полина.

Е51 Свойство памяти / Полина Елизарова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206859-1

Октябрь 1993 года. На фоне драматических событий в стране бывший следователь Варвара Сомоварова переживает внезапную мимолетную страсть. В наши дни, полные новых потрясений, Варвару не отпускают прежние сны, тянущиеся от рокового октября...

Кого она допрашивает в каждом таком сне? Что реальнее — эти сны или архивы, раскрывающие старые семейные тайны? И что за опасный незнакомец преследует Варвару на протяжении года?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Елизарова П., текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство

«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206859-1

Свойства памяти — умножать неясное,
размывать границы, уносить имена.

Мария Плешкова

* * *

Варвара Сергеевна вглядывалась в дождливый сумрак двора, пытаясь сфокусироваться на мелких косых каплях, подсвеченных фонарем.

Этой осенью она стала чаще, сама не зная зачем, смотреть в окно спальни, выходявшее в маленький парк. Словно нужные ответы могли возникнуть в самом воздухе, низком городском небе с изредка пролетающими птицами, в навидавшихся всякого рослых тополях и соснах.

Вот уже полгода, сохраняя внешнее спокойствие, она понимала, что к последней стадии, которую психологи называют стадией принятия, не придет еще долго, возможно — никогда.

Война...

Слово, невысказанное для женской сути, созданной, чтобы давать и удерживать на земле живое. Междоусобная, гражданская, империалистическая — какая разница... любые определения — всего лишь слова.

«Да задолбали вы уже с этой темой!»

«У нас своих, что ли, проблем мало?»

«С кем хотят, с тем пусть и остаются!»

«А у вас там что, много родственников?» — много лет раздраженно отмахивались беспечные или бес-

совестные, пока дальновидные хладнокровно прогнозировали.

Слова...

Потоки слов, в момент потерявшие смысл. Многословные рассуждения — роскошь, присущая стабильности, для перемен нужны действия.

От темного духа войны уже невозможно было спрятаться, как это происходило долгие годы, когда война была «где-то там», а не ведающие большего зла, чем вспышка эпидемии, потребители — подследоватая паства бога Изобилия, безудержно искушающего простым и доступным, — вцепилась в «где-то здесь».

Утро расстреливало цифрами. Практически любая беседа так или иначе затрагивала темы «новой» реальности.

Кто уехал, кто остался.

Кто вышел из тени и открыто помогал фронту.

Кто, оказывается, помогал всегда...

Звезды словно падали с небес. Зато на освобожденном пространстве зажигались новые. Будто выпущенные из волшебного сосуда, все появлялись и появлялись разрывающие душу и сердце песни и стихи тех, кого напрасно считали поколением списанным, выросшим в искусственном виртуальном мире.

Мир, погибая в сбывающихся пророчествах, стремительно менялся, чтобы возродиться заново.

Самоварова ни к кому себя не причисляла, на выборы ходила через раз, а в новостных выпусках ее внимание привлекала только последняя рубрика — криминальных происшествий.

Что поделаешь, профессия — вторая натура, привычное часто сужает границы.

Когда-то, мечтая стать советским Шерлоком Холмсом в юбке, маленькая Варя жадно хватала отцовские газеты только ради последней страницы, где порой появлялись сведения о громких преступлениях. Перст невидимого биографа не указывает просто так!

Спустя годы на последних страницах газет в числе людей, вовлеченных в расследование преступлений, несколько раз упоминали и ее имя — как следователя криминального отдела. И Варя, давно успевшая обрасти отчеством, не без гордости отмечала, что сумела воплотить в жизнь свою детскую мечту.

Пойдя наперекор родительской воле, она стала кем хотела, пусть это и не принесло ей ни славы, ни богатства.

Минувшей весной все резко переменилось, и криминальные новости перестали ее интересовать.

Заходя по несколько раз в день в уплотненное цифрами виртуальное пространство, Самоварова столкнулась с новым пугающим ощущением: ей казалось, она медленно сходит с ума.

Ужастик из прошлого с каждым днем обретал вполне конкретные очертания, и Самоварова не понимала, *как* дальше существовать внутри охваченного бедой организма.

Поначалу она списывала свое состояние на возраст, перенесенный ковид, погоду, но, выходя из дома, частенько натыкалась на такие же, как отражавшиеся в зеркале прихожей, воспаленно-растерянные взгляды.

Зону комфорта, которая с трудом и боями досталась ей только в шестьдесят, оторвало от пристани и понесло вместе с миллиардами тех, кто с опаской наблюдал, как тонут «титаники» и восстают из недр прошлого, прочищая свои пушки, «авроры».

Выстраданное компромиссами, дарованное долгим трудом, нечаянно или осознанно благополучное — все, что еще полгода назад составляло каждодневные нехитрые радости, ощущалось теперь пустым и глупым.

И это же «пустое и глупое», состоящее из привычек и простых желаний, притормаживало, не давая захлебнуться сознанию.

Суетное и привычное, оставшееся жить на плоту одной лишь силой воли, а не силой прежней жажды жизни, с переменным успехом отгоняло скверные мысли. А перед сном сознание все назойливее возвращало к воспоминаниям, за которыми можно укрыться — ведь оно, прошлое, уже случилось.

Начав работать после окончания юридического факультета секретарем в отделе криминальной милиции, Варя так или иначе ежедневно сталкивалась со смертью.

Одолев периоды адаптации, упадническое состояние, профессиональное выгорание, Варя вышла на единое ровное полотно под названием «работа».

Целое дробилось на отрезки, в которых вчерашней идеалистке с легким нравом везло с окружением.

Всегда был кто-то, имевший большой опыт и большой стаж, находил нужные слова, отвлекал инструкциями и подчас досужими разговорами, делился знаниями и собственным примером при-

учал к мысли, что работа рядом с насильственной смертью сравнима с трудом хирурга или пожарного. А то и дворника, который чистит улицы от грязи и делает это не только ради денег, но и во благо общества.

Ее молодая психика довольно быстро приспособилась отделять «необходимое» от «личного». И до поры до времени Варя позволяла всем этим периодам проходить без фатальных душевных потерь.

Но когда захлестнуло это «личное», оказалось, что пережить травмы по науке Самоварова не готова.

Годы ушли на то, чтобы принять смерть отца и матери.

Пока те были живы, казалось, что она с ними совсем не близка. И, чего греха таить, часто их осуждала. Продолжала, защищаясь от боли, осуждать и после их ухода. Вспоминать об этом Варвара долгие годы себе запрещала. Застрявшие в глубинах совести стрелы дурных мыслей и дурных слов оказались способными долетать сквозь десятилетия и беречь затаившиеся раны.

Теперь ей мучительно хотелось разглядеть далекий спокойный берег, где мать и отец были еще молоды и здоровы, где картинки прошлого, пройдя сквозь невидимый фильтр, стали выборочными и яркими. Будто память поставила себе целью вытравить из воспоминаний негативные эмоции и сохранить лишь нарядный видеоряд, чем-то похожий на тот, что маниакально пересылали друг другу по праздникам пользователи соцприложений: слишком яркие лучики солнца в окне, несуществующая ваза с искусственными цветами и красная мигающая гирлянда восклицательных букв.

Но сквозь этот эрзац все упрямее прорывалось реальное: отцовская мимоза в хрустальной, с отколотым краешком вазе, она была сыпуча и имела острый запах. Лето — босое, зеленое, несущееся стремительно, как электричка. Красно-желтый гербарий — печать осени, в измазанном клеем альбоме. Снежная, сугробная зима — долгожданный подарок под синтетической, аляповато разряженной на фоне скромного убранства комнаты елкой. А следом — сердитый февраль, самый короткий и утомительно длинный месяц в году.

Вот в это реальное, закрыв глаза, Самоварова и вгрызалась. Ведь хранившее в себе и радости, и горести — оно *уже случилось*.

Не ощущая родительской безоговорочной любви и ласки или хотя бы гордости за нее, Варя с детства привыкла полагаться на себя.

Она прыгала лучше всех в классики, вызывая не только зависть, но и восторги подруг, бегала школьный марафон наравне с мальчишками, за что в старших классах регулярно получала похвальные грамоты.

Потом хорошо сдала выпускные экзамены и без проблем поступила в институт.

Родители высказывали одобрение, но сдержанно.

Отец, как правило поздно приходивший с работы, воспитанием дочери практически не занимался, мать же всегда считала, что Варя все может делать и лучше.

Пока те были живы, Варя была уверена, что больше любит отца.

Возможно, это стойкое ощущение зародилось и укрепилось в ней благодаря коротким минутам его искренней нежности.

Вот он зашел в комнату, где дочь, склонившись над учебником, заучивает нужные даты. Контурные карты, которые Варя не любила, уже готовы и отложены в сторону, домашка по математике сделана, и холодные, выделенные в учебнике черным даты исторических событий расплываются перед глазами.

Отец ласково треплет ее по затылку, и в маленькую Варину комнату посреди старухи-осени врывается ободряющее дыхание апреля.

— Что, ученая сова, хочешь исправить тройку?

— Четверку.

— А разве необходимо ее исправлять? — тихо смеется отец.

— Мама так сказала.

— Что сказала?

— Что хорошист хуже троечника.

— Это еще почему? — делано удивляется отец.

— Ну... — Варя долго и тщательно выдыхает из себя обиду на мать. — Троечник, он бездельник, а хорошист — амбициозный недоучка.

— Вот как, — в такт ей нарочито громко вздыхает отец. — Раз наша мама так считает, лучше получить пятерку.

— А если не получится? Историчка — вредная вобла.

— А ты попробуй! Не получится — возьмешь свою пятерку на другом предмете.

За стеной кухни гремят кастрюли, и отец, будто опомнившись, резко становится собранным и отстраненным.

Как поняла позже Варя, подкаблучником он не был, но не одно поколение русских (о других она мало что понимала) мужчин находилось под жестким контролем жен.

Заначки, загашники, лихое и тайное «сообразим на троих» в гараже, ледяной холод во взгляде на коллегу, с которой вчера, приняв на грудь, отчаянно флиртовал, — все это для большинства было не чем иным, как страхом не то что потерять (об этом и помыслить было нельзя), а просто рассердить жену.

При этом большинство мужчин обладали правом принимать важные решения. Для женщин это воспринималось как моральная подстраховка: в случае неудачного стечения обстоятельств все можно было свалить на главу семейства.

В подростковом возрасте, наблюдая за приятелями родителей, соседями по дому или бывая в семьях подруг, Варя подмечала, что каждая вторая жена не любит мужа, а каждый второй муж тайком мечтает изменить жене.

Боялись не Бога, но партсобраний. А опорой им служили, как это ни парадоксально, и общие метры, и угрызения совести.

Про ту самую «Великую любовь» Варя узнавала лишь из книг.

Вокруг же распадались пары. А Варя верила — не столько ради книжной страсти, сколько из банальной надежды получить чуть более радостную картинку бытия. Примерно в такой же матрице продолжали существовать ее сверстники: семью лучше заводить с перспективными, а любиться, если прищичило, можно и по велению плоти, но так, чтобы не наломать дров.

Тот факт, что родители годами еле (как ей тогда упрямо казалось) выносили друг друга, она осознала лишь в двадцать три, когда вышла замуж за перспективного сотрудника НИИ.

Рациональной матери кудрявый балагур из номенклатурной семьи сразу понравился, отец же относился к зятю сдержанно, но не цеплялся.

Потекли семейные будни. Варя, став помощником следователя, сгорала на работе.

Муж освобождался ровно в шесть и сразу шел с коллегами в пивную или парк. Когда родилась дочь, молодая мать уже знала, что не любит и никогда не любила своего супруга и что это у них взаимно.

Это ощущение все сильнее и глубже заявляло о себе всякий раз, когда, прижимаясь к нежной щечке своей крепкой, как репка, кареглазой дочки, испытывала невероятной силы счастье.

С мужем Варя, вымотанная бессонницей, ругалась чуть ли не ежедневно и порой, прихватив малышку, отправлялась на новую квартиру родителей, куда те переехали вскоре после ее свадьбы.

Там она искала утешения, но не обретала ничего, утопая в банальных разговорах. Мать работала в своем «Росстате» и привычно тратила всю энергию на общественную деятельность. Отец же с годами замкнулся в себе и начал хандрить. Видеть внучку и дочь они были рады, но оставались добродушными наблюдателями: попросишь — посидят с малышкой часок-другой, погуляют во дворе, не попросишь — сами не предложат.

Варя, изможденная физически и морально, стала подозревать, что причина отстраненности заключается не в шепутном характере ее Анюты, а во взаимной нелюбви. Ох уж этот идеализм молодых!

Где-то он во спасение, где-то — на погибель.

Только спустя годы она осознала, что тогда, преисполненная протеста, постоянно делала неверные выводы о происходящем.

Изучив в институте психологию преступников, Варя стала интересоваться другой психологией — отношений мужчины и женщины.

Прикладных материалов на эту тему в Стране Советов было очень мало, пришлось вернуться к классикам, которых она не любила в школе. И тут вдруг «великие и признанные» открылись перед ней не набором штампов, переходивших из тетради в тетрадь, а щедро делясь подноготной уклада жизни до-революционных семей, как богатых, так и бедных.

«Запрещенка» в слепой машинописной копии — Пастернак или Набоков цепляли не менее глубоко, и их романы были насквозь пронизаны психологией отношений.

Варя пришла к нехитрому выводу: без правильно настроенной энергии, мужской и женской, а главное — без любви человек любого достатка и вероисповедания в семье несчастлив. И когда этот вывод, навалившись, закрыл собой все, что держало ее подле мужа, Варя решила развестись.

Мать была «поражена до крайней степени» — так она обозначила свою реакцию, узнав по телефону о решении дочери. Она быстро свернула разговор и предложила увидеться.

Увиделись. На Варино бесхитростное «устала и не люблю» мать насупила тонкие, выщипанные ниточкой брови. Затем долго и шумно отыскивала в шкафу какие-то таблетки. Потом передумала и нацедила полрюмки коньяка. Выпила одним махом. И лихо вынесла вердикт:

— Перестань говорить глупости! Ты же еще ребенок.

Уязвленная Варя вытаращила на мать глаза:

— Глупости?